Автобиография. Автонекролог

Лев Гумилёв

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лев Николаевич Гумилев - выдающийся русский историк и этнограф, основатель теории пассионарности. Он принадлежал к редкой в современной науке категории подлинных энциклопедистов. Он работал на грани нескольких наук - истории, философии, географии, этнографии, психологии - и обладал необычайной интуицией и способностью к интеграции наук. Это позволило ученому создать оригинальную пассионарную теорию этногенеза, актуальность которой год от года возрастает.

Нападки на Льва Гумилева продолжаются, причем из самых разных лагерей - от ортодоксальных марксистов до либералов. Труды по истории тюрков, монголов, славянских и других народов Евразии "громят" за географический детерминизм и "чрезмерные обобщения", автора упрекают в вульгаризации истории, в непочтительном отношении к культовым фигурам вроде Петра Первого. Так, живущий на Западе историк Александр Янов усматривал в них "имперский изоляционизм и выродившееся славянофильство" и опасался, что "учение Гумилева может стать фундаментом для российской "коричневой" идеологии". Споры лишь подтверждают актуальность проблем, затронутых "великим евразийцем".

- Лев Гумилёв.
  - Автобиография[1]
  - Автонекролог[2]
  - Хроника жизни Л. Н. Гумилёва
- notes
  - 1
  - 2

Лев Гумилёв. Автобиография. Автонекролог

«… личная биография автора никак не отражает его интеллектуальной жизни. Первую автобиографию мы все пишем для отдела кадров, а вторую, некролог, обычно пишут знакомые или просто сослуживцы. Как правило, они выполняют эту работу халтурно, а жаль, ибо она куда ценнее жизнеописания, в котором львиная доля уделена житейским дрязгам, а не глубинным творческим процессам.

Но можно ли судить за это биографов: они и рады были бы проникнуть в «тайны мастерства», да не умеют. Тайну может раскрыть только сам автор, но тогда это будет уже не автобиография, а автонекролог, очерк создания и развития научной идеи, той нити Ариадны, с помощью которой иногда удается выбраться из лабиринта несообразностей и создать непротиворечивую версию, называемую научной теорией.»

Лев Гумилев

Автобиография[1]

Я, Лев Николаевич Гумилев, родился в 1912 году, осенью, 1 октября по новому стилю. В этот день, что очень редко бывает, пошел снег. Родился я на Васильевском острове в родильном доме, но родители мои жили в Царском Селе, в маленьком домике, который заработал мой покойный дед и сделал из него небольшой семейный дом. Кроме того, мои родители обладали опять-таки небольшим двухэтажным домом (вернее, домом с мезонином) в Тверской губернии — в родной земле моей бабушки, рядом с деревней Слепнево.

Отношения у бабушки с крестьянами были самыми наилучшими, потому что детство свое она провела в этой деревне, с этими девочками, которые потом стали бабами. В детстве она играла с ними в лапту, и вообще они были в самых наилучших отношениях. В 1917 году, когда, естественно, надо было уезжать, крестьяне помогли нам уложиться на возы и перевезли в соседний город Бежецк, где я и прожил первые Шлет своей жизни.

За это время папа приезжал к нам раза два или три. Один раз он занимался со мной, рассказывая мне, что такое стихи и как я должен изучать историю; велел дать мне книжку о завоевании готами Италии и победе византийцев над готами, которую я потом внимательно прочитал. И я помню только, что бабушка моя, Анна Ивановна, говорила: «Коля, зачем ты даешь ребенку такие сложные книги?» А он говорил: «Ничего, он поймет». Я не только понял, но и запомнил все до сего времени.

Он рисовал для меня картинки — «Подвиги Геракла» и делал к ним литературные подписи. Например, «Геракл, сражающийся с немейским львом» и подпись была такая:

От ужаса вода иссякла
В расщелинах Лазурских скал,
Когда под палицей Геракла
Окровавленный лев упал.

Второе — «Бой Геракла с гидрой»:

Уже у гидры семиголовой
Одна скатилась голова,
И наступает Геракл суровый
Весь золотой под шкурой льва.

И третье — «Геракл, который расстреливает гарпий из лука»:

Ни клюв железный, ни стальные крылья
От стрел Геракла гарпий не спасут.
Залитый кровью и покрытый пылью
Во тьме герой творит свой страшный суд.

Эти картинки и подписи сохранялись некоторое время. Естественно, они не уцелели, но память меня детская не подвела: я цитирую совершенно точно.

Последний раз папа приезжал для того, чтобы увезти свою вторую жену Анну Николаевну Энгельгардт-Гумилеву вместе с моей маленькой сестрицей Леночкой. Надо сказать, что с Леночкой у меня сохранялись хорошие отношения. Даже в Ленинграде, когда я вернулся, я к ней заходил, с ней встречался, и вообще мы были в самых дружеских отношениях, хотя встречались, естественно, редко — она была много моложе меня, на целых 7 лет.

Когда мне было 5 лет, бабушка Анна Ивановна привезла меня из Бежецка к папе в Ленинград, но папа в это время уже жил отдельно от мамы, он занимал квартиру, брошенную Маковским, на углу Ивановской и Николаевской. Но эта квартира была очень холодная, большая, отапливать ее было невозможно. Коридоры там были темные и страшные. И оттуда переехали в очень уютную квартиру — Преображенская, 5, ныне улица Радищева, если я не ошибаюсь, где было все очень мило и уютно.

Папа один раз водил меня к маме в Шереметевский дворец, где жил бывший репетитор детей Шереметевых ассириолог Владимир Казимирович Шилейко (тогда я его помню). Я некоторое время поиграл у мамы, потом папа зашел за мной, взял меня и увел обратно. С Шилейко я с тех пор не встречался, потому что, когда я приехал снова, вернее, бабушка меня привезла (остановилась она у своей племянницы Констанции Фридольфовны, вполне русской женщины, вот с таким скандинавским отчеством), то она возила меня к маме в Мраморный дворец, где та продолжала жить с Шилейкой. Но Шилейки не было в это время, вместо него сидел Пунин, ее земляк, и как выяснилось впоследствии, ставший ее морганатическим мужем. Он сидел и молчал. Я поздоровался с мамой, там нас сфотографировали, фотокарточка осталась.

Папа ко мне относился очень хорошо и внимательно. Он дал мне возможность получиться поэзии и даже посвятил мне

большую свою африканскую поэму «Мик», сделав на ней надпись: «Это сыну Льву. Пускай он ее дерет и треплет, как хочет». Но последний раз я папу видел, когда он приезжал, чтобы забрать Анну Николаевну с Леной в Петроград (Петроград тогда еще). И с тех пор я его не видел.

К маме я приехал уже позже, когда мне было 17 лет (это был 1929 год), и кончил школу уже в Ленинграде. Но жить мне, надо сказать, в этой квартире, которая принадлежала Пунину, сотруднику Русского музея, было довольно скверно, потому что ночевал я в коридоре, на сундуках. Коридор не отапливался, был холодный. А мама уделяла мне внимание только для того, чтобы заниматься со мной французским языком. Но при ее антипедагогических способностях я очень трудно это воспринимал и доучил французский язык, уже когда поступил в университет.

Когда я кончил школу, то Пунин потребовал, чтобы я уезжал обратно в Бежецк, где было делать нечего и учиться нечему и работать было негде. И мне пришлось переехать к знакомым, которые использовали меня в качестве помощника по хозяйству — не совсем домработницей, а так сказать носильщиком продуктов. Оттуда я уехал в экспедицию, потому что биржа труда меня устроила в Геокомитет. Но когда я вернулся, Пунин встретил меня и, открыв мне дверь, сказал: «Зачем ты приехал, тебе даже переночевать негде». Тем не менее меня приютили знакомые, а затем, когда шла паспортизация, Пунин разрешил прописаться у него, хотя я жил на свою очень скромную зарплату совершенно отдельно.

* * *

Из всех интеллигентов, с которыми я встречался, лучше всех ко мне отнесся ныне покойный ректор университета Александр Алексеевич Вознесенский, который дал мне возможность защитить диссертацию в университете, но это было уже значительно позже. Прошла война, большую часть которой я провел в Норильске, работая в шахтах и в геологических экспедициях, после чего я пошел в армию добровольно и участвовал в штурме Берлина. Когда я вернулся, то узнал, что сестра моя Лена вместе со своей матерью Анной Николаевной погибли во время блокады. Мама встретила меня очень радостно, мы целую ночь с ней разговаривали, она читала мне свою новую поэму, свои новые стихи.

С Пуниным она уже рассталась совершенно, и у нее были две

комнаты. В одну из них она меня пустила и прописала. И я поступил в аспирантуру Института востоковедения, но как только совершилось постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», т. е. о моей маме, то меня оттуда выгнали, несмотря на то что за первый же год я сделал все положенные доклады и сдал все положенные экзамены. И диссертация у меня тоже была готова, но тогдашняя дирекция института, которой командовал доктор филологических наук Боровков, заявила, чтобы я убирался и они меня не поставят на защиту. И я оказался на улице с очень плохой характеристикой, совершенно несправедливой. Там было написано, что я был высокомерен и замкнут (хотя я очень общительный человек) и что я не вел общественную работу, которую мне, по правде сказать, и не поручал никто. Но с такой характеристикой защищать диссертацию было нельзя, и остались мы с мамой в очень тяжелом положении.

И тут мне удалось устроиться в психиатрическую больницу библиотекарем. Там я наладил библиотеку, выдавал больным и врачам книги, устроил передвижку, получил хорошую характеристику, и тогда-то я и обратился в университет, где ректор разрешил мне защищать кандидатскую диссертацию. Мы с мамой очень переживали это, потому что жили очень скудно: отапливать помещение было невозможно, денег на дрова не было и мне помнится, как я пилил и колол дрова и таскал их на третий этаж на своем горбу, чтобы отапливать хотя бы одну комнату из двух.

С питанием было тоже очень плохо, и поэтому, когда я шел на защиту кандидатской диссертации, я съел все, что было дома. Дома не осталось даже куска хлеба, и отпраздновать мою защиту можно было только в складчину. Кое-кто подкинул мне денег, пришли, поздравили меня с защитой кандидатской, совершенно блестящей.

Институт востоковедения Академии наук и тут сыграл свою роль. Он вызвал Александра Натановича Бернштама, заслуженного деятеля киргизской науки, для того чтобы он разоблачил меня перед Ученым советом и завалил мою диссертацию. Он сделал мне 16 возражений, из которых два считал самыми злобными: незнание восточных языков и незнание и неупотребление марксизма. Я ответил ему по 16-ти пунктам, в том числе я говорил с ним по-персидски, на что он не мог ответить; я приводил ему тюркские тексты, которые он плохо понимал, гораздо хуже меня. Я рассказал свою концепцию в духе исторического материализма и спросил моих учителей, насколько они согласны. Привел цитату из его работы, где было явное нарушение всякой логики, и, когда он запротестовал с

места, я попросил принести журнал из библиотеки, чтобы проверить цитату.

15 голосов было за меня, один — против. Это было для меня совершеннейшее торжество, потому что с этими академическими деятелями я устроил избиение младенцев, играя при этом роль царя Ирода.

Но после этого постановления мы с мамой оказались опять в бедственном положении. С большим трудом меня приняли на работу в Музей этнографии народов СССР с зарплатой в 100 рублей, т. е. примерно на том же положении, как я был в аспирантуре. Денег у нас не хватало. Мама, надо сказать, очень переживала лишение возможности печататься. Она мужественно переживала это, она не жаловалась никому. Она только очень хотела, чтобы ей разрешили снова вернуться к литературной деятельности. У нее были жуткие бессонницы, она почти не спала, засыпала только уже под утро, часов так в семь, когда я собирался уходить на работу. После чего я возвращался, приносил ей еду, кормил ее, а остальное время она читала французские и английские книжки, и даже немецкую одну прочла (хотя она не любила немецкий язык) и читала Горация по-латыни. У нее были исключительные филологические способности. Книги я ей доставлял самые разнообразные. Я брал себе книги для работы из библиотеки домой, и, когда она кричала: «Принеси что-нибудь почитать», я ей давал какую-нибудь английскую книгу, например эпос о Гэсере или о Тибете. Или, например, Константина Багрянородного она читала. Вот таким образом все время занимаясь, она очень развилась, расширила свой кругозор. А я, грешный человек, тоже поднаучился. Пока не случилось событие, которому объяснение я не могу найти до сих пор.

Внезапно в 1949 году, после того как мама погостила в Москве у Ардовых и вернулась, пришли люди, которые арестовали сначала Лунина, нашего соседа, а потом пришли за мной, арестовали меня. Следствие заключалось в том, что следователи задавали мне один и тот же вопрос: «Скажи что-нибудь антисоветское, в чем ты виноват». А я не знал, в чем я виноват. Я считал, что я ни в чем не виноват, и никаких неприятностей вообще вспомнить даже не мог. Тем не менее меня осудили на Шлет, опять-таки особым совещанием, причем в заключение мне прокурор сказал: «Вы опасны, потому что вы грамотны. Получите Шлет». И я их получил.

Срок я отбывал сначала в Караганде, потом в Междуреченске, между двумя реками очень красивыми — Томъю и Усой, и, наконец, в Омске, там же, где и Достоевский был. И тут 1956 год, XX съезд (дата, которую я вспоминаю всегда с благоговением) дал

мне свободу. Мама присылала мне посылки — каждый месяц одну посылку рублей на 200 тогдашними деньгами, т. е. на наши деньги на 20 рублей. Ну кое-как я в общем не умер при этой помощи.

Но когда я вернулся, к сожалению, я застал женщину старую и почти мне незнакомую. Ее общение за это время с московскими друзьями — с Ардовым и их компанией, среди которых русских, кажется, не было никого — очень повлияло на нее, и она встретила меня очень холодно, без всякого участия и сочувствия. И даже не поехала со мной из Москвы в Ленинград, чтобы прописать в своей квартире. Меня прописала одна сослуживица (Т. А. Крюкова. — Ред.), после чего мама явилась, сразу устроила скандал — как я смел вообще прописываться?! (А не прописавшись, нельзя было жить в Ленинграде!) После этого я прописался у нее, но уже тех близких отношений, которые я помнил в своем детстве, у меня с ней не было.

Здесь она от меня требовала, чтобы я помогал ей переводить стихи, что я и делал по мере своих сил, и тем самым у нас появилось довольно большое количество денег. Я поступил работать в Эрмитаж, куда меня принял мой старый учитель профессор Артамонов, с которым я был вместе в экспедиции. Там я написал книгу «Хунну», написал свою диссертацию «Древние тюрки», которую защитил в 1961 году. Маме, кажется, очень не нравилось, что я защищаю докторскую диссертацию. Почему — я не знаю. Очевидно, она находилась под сильным влиянием. В результате 30 сентября 1961 года мы расстались, и я больше ее не видел, пока ее не привезли в Ленинград, и я организовал ее похороны и поставил ей памятник на те деньги, которые у нее на книжке остались и я унаследовал, доложив свои, которые у меня были.

Надо сказать, что для меня мама представляется в двух ипостасях: милая, веселая, легкомысленная дама, которая могла забыть сделать обед, оставить мне деньги на то, чтобы я где-то поел, она могла забыть — она вся была в стихах, вся была в чтений. Она очень много читала Шекспира и о Шекспире и часто не давала мне заниматься, потому что если она вычитывала что-нибудь интересное, вызывала меня и сообщала мне это. Ну, приходилось как-то реагировать и переживать. Но все равно это было все очень мило и трогательно, я бы сказал. Но когда я вернулся после 56-го года и когда началась моя хорошая творческая трудовая жизнь, то она потеряла ко мне всякий интерес. Иногда я делал ей визиты, но она не хотела, чтобы я жил ни у нее на квартире, ни даже близко от нее. Я получил очень маленькую комнату в конце Московского проспекта, так что

встречались мы эпизодически, редко, и об этом периоде ее жизни я ничего рассказать не могу.

Но своей жизнью, вот этими последними 30-ю годами я очень доволен. В Эрмитаже профессор Артамонов давал мне возможность сидеть в библиотеке и заниматься и писать. Там я доработал то, что я сделал, еще находясь в Сибири, на тяжелых работах, где я был иногда инвалидом, иногда библиотекарем, иногда просто больным, но мне удалось тогда написать очень много черновиков по тем книгам, которые мне присылали. Затем я за 5 лет отработал свои две книги — «Хунну» и «Древние тюрки». Вторую я защитил как диссертацию на степень доктора исторических наук, после чего был приглашен в университет, и — поскольку я интересовался исторической географией — на географический факультет. Это был самый лучший период моей жизни. Я просто был счастлив, что я могу ходить на работу, что я могу читать лекции. На лекции ко мне приходили не только студенты (не смывались, что всех удивляло), но даже в большом количестве вольнослушатели. И все эти 25 лет, которые я в университете, я занимался этой работой, а в свободное время — отпускное и каникулярное — продолжал писать книги по истории, географии и этнологии.

С детства меня интересовала проблема происхождения и исчезновения народов. Но конечно, я эту проблему решить не мог, поскольку ее никто не решил и до сих пор. То есть примерно 50 лет я думал над этой тематикой, собирал материал, и, наконец, когда у нас вышла книга Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» и книга биолога Берталанфи о систематическом подходе, изданная Институтом философии, я соединил эти данные естественных наук с моей исторической подготовкой и предложил синтетическую концепцию пассионарной теории этногенеза. Она была опубликована и в «Вестнике Ленинградского университета», и в журнале «Природа», что сразу подняло тираж журнала, который шел к минимуму.

После этого споров по высказанным мною тезисам было очень мало. Сначала это было вследствие непонимания, непривычности моих взглядов, но потом академик Бромлей (очень способный человек, очень восприимчивый), присутствуя на моих докладах, повторял их содержание у себя в институте, о чем мне сообщали его сотрудники, поздравляя с тем, что я получил первого ученика. Потом он издавал книги, употребляя мои определения, мои дефиниции, и таким образом моя работа оказалась принятой (хотя и без моего авторства). Институт этнографии работал по моим идеям и работает до сих пор.

Подробности об этом были изложены в «Известиях Географического общества» моим учеником Ивановым (№ 3 за 1985 год). В результате получилась довольно странная история: я не остановился на достигнутом, я продолжал работать дальше, но уже никакой поддержки со стороны Академии наук я не встречал. В университете сложилась какая-то странная ситуация: бывший ректор Алисковский вместо того, чтобы принять решение о публикации моей представленной и одобренной работы (факультет представил), отложил это до сих пор.

Сейчас у меня на палитре четыре больших книги:

· «Тысячелетие вокруг Каспия», то есть этногенез всех народов региона за полторы тысячи лет;

· затем «Древняя Русь и Великая степь» о соотношении народов Советского Союза, где я доказываю, что у них не было принципиальной вражды, а были отдельные столкновения, которые не выходили за рамки удельных междукняжеских войн;

· Курс лекций, который у меня был депонирован, а затем переработан в монографию;

· и, наконец, «Деяния монголов», братского нашего народа, о котором у меня уже первичная источниковедческая публикация была в 1970 году, а сейчас это обобщенная работа по этногенезу.

* * *

Самым трудным для моей научной идеи было то, что ее негде было обсудить, поскольку это синтетическая наука, и все отвечали, что это не по их специальности. И это было верно, потому что наука действительно новая. И тогда я представил ее как вторую докторскую диссертацию на соискание степени уже не по историческим, а по географическим наукам. Прошла она блестяще, но ВАК не утвердил ее на том основании, что «это выше, чем докторская, а потому и не докторская». И, не присудив мне степени, назначил меня членом специализированного Ученого совета по присуждению докторских степеней по географии. В каковом положении я и сейчас пребываю.

Так вот, на сегодняшний день — 16 сентября 1986 года — я автор восьми опубликованных книг, более 100 статей оригинальных и примерно стольких же переводных (переведенных на разные иностранные языки), и четыре книги у меня подготовлены к печати и как рукописи могут быть представлены в соответствующие издательства. Хотя до сих пор, к сожалению, мне не удалось найти издательство, которое бы мои книги печатало, по соображениям, мне совершенно непонятным.

Итак, я считаю, что творческий вклад в культуру моих родителей я продолжил в своей области, оригинально, не подражательно, и очень счастлив, что жизнь моя прошла не бесполезно для нашей советской культуры.

Автонекролог [2]

Я, Лев Николаевич Гумилев, родился 1 октября 1912 года в семье двух поэтов — Гумилева Николая Степановича и Ахматовой Анны Андреевны, в городе Царское Село. Детство свое я помню очень туманно и толково сказать о нем ничего не могу. Известно мне только, что я был передан сразу на руки бабушке — Анне Ивановне Гумилевой, увезен в Тверскую губернию, где у нас был сначала дом в деревне, а потом мы жили в городе Бежецке, в котором я и кончил среднюю школу. В это время я увлекся историей, и увлекся потрясающе, потому что перечитал все книги по истории, которые были в Бежецке, и по детской молодой памяти я очень много запомнил.

Когда я вернулся обратно в Ленинград, то я застал картину очень для меня неблагоприятную. Для того чтобы закрепиться в Ленинграде, меня оставили в школе еще на один год, что пошло мне только на пользу, так как я уже мог не заниматься физикой, химией, математикой и прочими вещами (которые мне были известны), а занимался я главным образом историей и попробовал поступить на курсы немецкого языка, готовящие в Герценовский институт. Это был 1930 год, но конечно в этот год меня не приняли в Герценовский институт из-за моего дворянского происхождения. К счастью, биржа труда отправила меня работать коллектором в ЦНИГРИ — Геологоразведочный институт. Я попытался изучать геологию, но успеха никакого не имел, потому что эта наука была не моего профиля, но я тем не менее в должности наименьшей — младшего коллектора — поехал в Сибирь, на Байкал, где участвовал в экспедиции, и месяцы эти, которые я там провел, были для меня очень счастливыми, и я увлекся полевой работой.

По возвращении в Ленинград, когда эта работа кончилась, меня устроили в экспедицию в Таджикистан. Но дело в том, что мой новый начальник экспедиции — очень жесткий латыш — занимался гельминтологией, т. е. из животов лягушек извлекал глистов. Мне это мало нравилось, это было не в моем вкусе, а самое главное — я провинился тем, что, ловя лягушек (это была моя обязанность), я пощадил жабу, которая произвела на меня исключительно хорошее впечатление, и не принес ее на растерзание. За это был выгнан из экспедиции, но устроился там малярийным разведчиком и целых 11 месяцев жил в Таджикистане, изучая таджикский язык. Научился я говорить там довольно бодро, бегло, это мне принесло потом большую пользу. После этого, отработав зиму опять-таки в Геологоразведочном

институте, я по сокращению штатов был уволен и перешел в Институт геологии на Четвертичную комиссию с темой уже мне более близкой — археологической. Участвовал в Крымской экспедиции, которая раскапывала пещеру. Это уже было для меня гораздо ближе, понятнее и приятнее. Но, к сожалению, после того как мы вернулись, мой начальник экспедиции крупный археолог Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский был арестован, посажен на 3 года, и я опять оказался без работы. И тогда я рискнул и подал заявление в университет.

34-й год был легким годом, и поэтому меня в университет приняли, причем самое трудное для меня было достать справку о моем социальном происхождении. Отец родился в Кронштадте, а Кронштадт был город закрытый, но я нашелся: пошел в библиотеку и сделал выписку из Большой советской энциклопедии, подал ее как справку, и, поскольку это ссылка на печатное издание, она была принята, и меня приняли на исторический факультет. Поступив на истфак, я с охотой занимался, потому что меня очень увлекли те предметы, которые там преподавались. И вдруг случилось общенародное несчастье, которое ударило и по мне, — гибель Сергея Мироновича Кирова. После этого в Ленинграде началась какая-то фантасмагория подозрительности, доносов, клеветы и даже (не боюсь этого слова) провокаций.

Осенью 35-го года были арестованы тогдашний муж моей матери Николай Николаевич Пунин, и я, и еще несколько студентов. Но тут мама обратилась к властям, и так как никакого преступления реального у нас не оказалось, нас выпустили. Больше всех от этого пострадал я, так как после этого меня выгнали из университета, и я целую зиму очень бедствовал, даже голодал, т. к. Николай Николаевич Пунин забирал себе все мамины пайки (по карточкам выкупая) и отказывался меня кормить даже обедом, заявляя, что он «не может весь город кормить», т. е. показывая, что я для него совершенно чужой и неприятный человек. Только в конце 36-го года я восстановился благодаря помощи ректора университета Лазуркина, который сказал: «Я не дам искалечить жизнь мальчику». Он разрешил мне сдать экзамены за 2-й курс, что я сделал экстерном, и поступил на 3-й курс, где с восторгом начал заниматься уже не латынью на этот раз, а персидским языком, который я знал как разговорный (после Таджикистана) и учился теперь грамоте.

Все это продолжалось довольно благополучно для меня, и никаких нареканий я нигде не вызывал, за исключением того, что я один раз провалился по ленинизму — тогда был такой предмет, отличный от теперешнего марксизма, который мы теперь

изучаем, — он был какой-то очень специфический, но я его пересдал, и на это все закончилось благополучно для меня.

Но в 38-м году я был снова арестован, и на этот раз уже следователь мне заявил, что я арестован как сын своего отца, и он сказал: «Вам любить нас не за что». Это было совершенно нелепо, потому что все люди, принимавшие участие в «Таганцевском деле», которое имело место в 21-м году, к 36-му уже были арестованы и расстреляны. Но следователь капитан Лотышев не посчитался с этим, и после семи ночей избиения мне было предложено подписать протокол, который не я составлял и который я даже не смог прочесть, будучи очень избитым. Сам капитан Лотышев потом, по слухам, был расстрелян в том же 38-м году или в начале 39-го. Суд, трибунал меня и двух студентов, с которыми я был еле знаком (просто визуально помнил их по университету, они были с другого факультета), осудили нас по этим липовым документам с обвинением в террористической деятельности, хотя никто из нас не умел ни стрелять, ни на шпагах сражаться, вообще никаким оружием не владел.

Дальше было еще хуже, потому что прокурор тогдашний объявил, что приговор в отношении меня слишком мягок, а сверх 10-ти лет по этой статье полагался расстрел. Когда мне об этом сообщили, я это воспринял как-то очень поверхностно, потому что я сидел в камере и очень хотел курить и больше думал о том, где бы закурить, чем о том, останусь я жив или нет. Но тут произошло опять странное обстоятельство: несмотря на отмену приговора, в силу тогдашней общей неразберихи и безобразия, меня отправили в этап на Беломорский канал. Оттуда меня, разумеется, вернули для проведения дальнейшего следствия, но за это время был снят и уничтожен Ежов и расстрелян тот самый прокурор, который требовал для меня отмены за мягкостью. Следствие показало полное отсутствие каких-либо преступных действий, и меня перевели на особое совещание, которое дало мне всего-навсего 5 лет, после чего я поехал в Норильск и работал там сначала на общих работах, потом в геологическом отделе и, наконец, в химической лаборатории архивариусом.

Окончил я срок в 1943 году, и как безупречно проведший все время без всяких нареканий и нарушений лагерного режима я был отпущен и полтора года работал в экспедиции того же самого Норильского комбината. Мне повезло сделать некоторые открытия: я открыл большое месторождение железа на Нижней Тунгуске при помощи магнитометрической съемки. И тогда я попросил — как в благодарность — отпустить меня в армию.

Начальство долго ломалось, колебалось, но потом отпустили все-таки. Я поехал добровольцем на фронт и попал сначала в

лагерь «Неремушка», откуда нас, срочно обучив в течение 7 дней держать винтовку, ходить в строю и отдавать честь, отправили на фронт в сидячем вагоне. Было очень холодно, голодно, очень тяжело. Но когда мы доехали до Брест-Литовска, опять судьба вмешалась: наш эшелон, который шел первым, завернули на одну станцию назад (уж не знаю, где она была) и там стали обучать зенитной артиллерии. Обучение продолжалось 2 недели. За это время был прорван фронт на Висле, я получил сразу же назначение в зенитную часть и поехал в нее. Там я немножко отъелся и в общем довольно благополучно служил, пока меня не перевели в полевую артиллерию, о которой я не имел ни малейшего представления.

Это было уже в Германии. И тут я сделал действительно проступок, который вполне объясним. У немцев почти в каждом доме были очень вкусные банки с маринованными вишнями, и в то время, когда наша автомобильная колонна шла на марше и останавливалась, солдаты бегали искать эти вишни. Побежал и я. А в это время колонна тронулась, и я оказался один посреди Германии, правда, с карабином и гранатой в кармане. Три дня я ходил и искал свою часть. Убедившись, что я ее не найду, я примкнул к той самой артиллерии, которой я был обучен — к зенитной. Меня приняли, допросили, выяснили, что я ничего дурного не сделал, немцев не обидел (да и не мог их обидеть, их не было там — они все убежали). И в этой части — полк 1386 31-й дивизии Резерва Главного командования — я закончил войну, являясь участником штурма Берлина.

К сожалению, я попал не в самую лучшую из батарей. Командир этой батареи старший лейтенант Финкельштейн невзлюбил меня и поэтому лишал всех наград и поощрений. И даже когда под городом Тойпицем я поднял батарею по тревоге, чтобы отразить немецкую контратаку, был сделан вид, что я тут ни при чем и контратаки никакой не было, и за это я не получил ни малейшей награды. Но когда война кончилась и понадобилось описать боевой опыт дивизии, который было поручено написать нашей бригаде из десяти-двенадцати толковых и грамотных офицеров, сержантов и рядовых, командование дивизии нашло только меня. И я это сочинение написал, за что получил в виде награды чистое, свежее обмундирование: гимнастерку и шаровары, а также освобождение от нарядов и работ до демобилизации, которая должна была быть через 2 недели.

После этого я вернулся в Ленинград, пришел с удовольствием по знакомым улицам домой, встретил свою мать, которая обняла меня, расцеловала и очень приветствовала. Мы с ней всю ночь проговорили, потом я пошел в университет, где декан

исторического факультета Мавродин встретил меня также ласково и приветливо, называл «Лёва» и разрешил мне на выбор: или поступить на очный, или на заочный, или сдать экстерном экзамены за 4-й и 5-й курс. Я выбрал последнее и за один месяц сдал все экзамены (поскольку я и в лагере занимался, ну и подготовка у меня была хорошая — историю я знал), сдал кандидатский минимум по французскому языку и по марксизму (так сказать, по истории философии). Сдал вступительные экзамены в аспирантуру Института востоковедения, где меня сразу же приняли, и я начал заниматься дальше, поехал в экспедицию с профессором Артамоновым.

Но когда я вернулся, то узнал, что в это время мамины стихи не понравились товарищу Жданову и Иосифу Виссарионовичу Сталину тоже, и маму выгнали из Союза, и начались опять черные дни. Прежде чем начальство спохватилось и выгнало меня, я быстро сдал английский язык и специальность (целиком и полностью), причем английский язык на «четверку», а специальность — на «пятерку», и представил кандидатскую диссертацию. Но защитить ее уже мне не разрешили. Меня выгнали из Института востоковедения с мотивировкой: «за несоответствие филологической подготовки избранной специальности», хотя я сдал и персидский язык тоже. Но несоответствие действительно было — требовалось два языка, а я сдал пять. Но тем не менее меня выгнали, и я оказался опять без хлеба, без всякой помощи, без зарплаты. На мое счастье, меня взяли на работу библиотекарем в сумасшедший дом на 5-й линии в больницу Балинского.

Я там проработал полгода, и после этого, согласно советским законам, я должен был представить характеристику с последнего места работы. А там, т. к. я показал свою работу очень хорошо, то мне и выдали вполне приличную характеристику. И я обратился к ректору нашего университета профессору Вознесенскому, который, ознакомившись со всем этим делом, разрешил мне защищать кандидатскую диссертацию.

Есть мне было нечего, поэтому я нанялся в экспедицию на Алтай с профессором Руденко. И пока рецензенты читали мою работу (а они читали ее сверхдолго!), я заработал там какие-то деньги, вернулся и узнал, что мою работу не хотят ставить на защиту. Прошло некоторое время — месяца три, тяжелейшие в моей жизни, когда не было ни пищи, ни дров, чтобы топить печку (тогда еще было печное отопление), и вдруг мне сообщают, что можно защищать диссертацию. Я являюсь на защиту, там мне говорят: «Нет места. Две диссертации уже поставлены на 28 декабря, но вашу мы поставим первой». Ну, слава Богу! Я не

думал даже, в чем дело, но оказалось все просто: против меня выдвинули заслуженного деятеля киргизской науки Александра Натановича Бернштама, который выступил против меня как специалист, опроверг моих рецензентов, пытался опровергнуть меня. 16 возражений он мне выдвинул (я их записал). Два самых крупных были: невладение марксизмом, незнание восточных языков. По поводу марксизма я тут же ему дал марксистскую трактовку моей темы (а тема была: «Подробная политическая история Первого Тюркского каганата») и обращался к Ученому совету, к моим учителям с просьбой оценить — марксизм это или не марксизм. Указал на прямые ошибки, которые допустил Бернштам. По поводу восточных языков — я с ним сначала заговорил по-персидски, а потом привел цитаты по-древнетюркски. Оказалось, что он не знает ни того, ни другого. Из 16-ти членов Ученого совета 15 проголосовали за меня, один голос был против.

После этого встал вопрос, чтобы мне устроиться на работу, и меня приняли, правда, с большой неохотой, в Музей этнографии народов СССР на Инженерной улице в качестве научного сотрудника. Но я еще пока не получил решения ВАКа. Так я его и не дождался, потому что осенью того же 49-го года меня арестовали снова, почему-то привезли из Ленинграда в Москву, в Лефортово, и следователь майор Бурдин два месяца меня допрашивал и выяснил: а) что я недостаточно хорошо знаю марксизм, для того чтобы его оспаривать, второе — что я не сделал ничего плохого — такого, за что меня можно было преследовать, третье — что у меня нет никаких поводов для осуждения, и, в-четвертых, он сказал: «Ну и нравы у вас там!» После чего его сменили, дали мне других следователей, которые составили протоколы без моего участия и передали опять-таки на Особое совещание, которое мне на этот раз дало уже 10 лет. Прокурор, к которому меня возили на Лубянку из Лефортова, объяснил мне, сжалившись над моим недоумением: «Вы опасны, потому что вы грамотны». Я до сих пор не могу понять, почему кандидат исторических наук должен быть безграмотен? После этого я был отправлен сначала в Караганду, оттуда наш лагерь перевели в Междуреченск, который мы и построили, потом в Омск, где в свое время сидел Достоевский.

Я все время занимался, так как мне удалось получить инвалидность. Я действительно себя очень плохо и слабо чувствовал, и врачи сделали меня инвалидом, и я работал библиотекарем, а попутно я занимался, писал очень много (написал историю хунну по тем материалам, которые мне прислали, и половину истории древних тюрок, недописанную на

воле, тоже по тем данным и книгам, которые мне прислали и которые были в библиотеке).

В 56-м году, после XX съезда, о котором я вспоминаю с великой благодарностью, приехала комиссия, которая обследовала всех заключенных (кто за что сидит), и комиссия единогласно вынесла мне «освобождение с полной реабилитацией». Этому помогло то, что профессор Артамонов, профессор Окладников, академик Струве, академик Конрад написали по поводу меня положительные характеристики.

Когда я вернулся, то тут для меня был большой сюрприз и такая неожиданность, которую я и представить себе не мог. Мама моя, о встрече с которой я мечтал весь срок, изменилась настолько, что я ее с трудом узнал. Изменилась она и физиогномически, и психологически, и по отношению ко мне. Она встретила меня очень холодно. Она отправила меня в Ленинград, а сама осталась в Москве, чтобы, очевидно, не прописывать меня. Но меня, правда, прописали сослуживцы, а потом, когда она наконец вернулась, то прописала и она. Я приписываю это изменение влиянию ее окружения, которое создалось за время моего отсутствия, а именно ее новым знакомым и друзьям: Зильберману, Ардову и его семье, Эмме Григорьевне Герштейн, писателю Липкину и многим другим, имена которых я даже теперь не вспомню, но которые ко мне, конечно, положительно не относились.

Когда я вернулся назад, то я долгое время просто не мог понять, какие же у меня отношения с матерью? И когда она приехала и узнала, что я все-таки прописан и встал на очередь на получение квартиры, она устроила мне жуткий скандал: «Как ты смел прописаться?!» Причем мотивов этому не было никаких, она их просто не приводила. Но если бы я не прописался, то, естественно, меня могли бы выслать из Ленинграда как не прописанного. Но тут ей кто-то объяснил, что прописать меня все-таки надо, и через некоторое время я поступил на работу в Эрмитаж, куда меня принял профессор Артамонов, но тоже, видимо, преодолевая очень большое сопротивление.

Я очень чту память профессора Артамонова, его отношение ко мне и то, что, несмотря на какие-то мне непонятные нажимы, он все-таки принял меня на ставку беременных и больных, после чего я стал получать хоть какую-то зарплату и смог жить. Потом я получил очень маленькую комнату (12 м^2) в коммунальной квартире, забитой людьми, но все-таки хотя бы свой угол. Там я стал очень усиленно заниматься.

Из тех моих записок, которые я привез из лагеря, я составил книжку «Хунну». Она вышла в Востокиздате в 1960 году. Из

второй части своих записок я составил несколько статей, которые были опубликованы тогда немедленно (в это время было довольно легко для меня их опубликовать) и доработал докторскую диссертацию, которую и защитил в ноябре 1961 года. Защита эта стоила мне очень больших травм и потерь, т. к. в Институте востоковедения, откуда, очевидно, и писали на меня доносы, ко мне было исключительно плохое отношение. И когда прислали эту диссертацию в московское отделение Института востоковедения, ее сначала потеряли, потом, когда я вернулся, ее разыскали, но отказали мне в рецензии на том основании, что у них Древний Восток — до V века, а у меня — VI-й. Но потом мне все-таки выдали положительную рецензию, и я защитил диссертацию единогласно. После чего получил от ректора нашего университета Александрова предложение перейти из Эрмитажа, где я был старшим научным сотрудником, на ту же должность в университет. Это было связано с тем, что во время моих экспедиций на берега Каспийского моря в поисках Хазарии мне удалось установить изменение уровня Каспийского моря в VI и IX–X веках нашей эры, так как я нашел те слои, в которых были черепки соответствующих эпох.

На следующий год, когда я воспользовался тем, что меня пригласил к себе геолог в качестве сотрудника (у меня были деньги, которые мне выдал Эрмитаж на работу, а у него была машина). Мы вместе провели большую экспедицию, результаты которой затем легли в основу моей книги «Открытие Хазарии» и сделала мне, так сказать, некоторое реноме среди географов. И меня приняли не на исторический факультет, а на географический в маленький Географо-экономический институт, который был при факультете. И это было мое самое большое счастье в жизни, потому что географы, в отличие от историков, и особенно востоковедов, меня не обижали. Правда, они меня и не замечали: вежливо кланялись и проходили мимо, но ничего дурного они мне так за 25 лет и не сделали. И наоборот, отношения были, совершенно, я бы сказал, безоблачные.

В этот период я также очень много работал: оформил диссертацию в книгу «Древние тюрки», которую напечатали потому, что нужно было возражать против территориальных притязаний Китая, и как таковая моя книга сыграла решающую роль. Китайцы меня предали анафеме, а от территориальных притязаний на Монголию, Среднюю Азию и Сибирь отказались. Потом я написал книгу «Поиски вымышленного царства» о царстве пресвитера Иоанна, которое было ложно, выдумано. Я постарался показать, как в исторических источниках можно отличать правду от лжи, даже не имея параллельной версии. Эта

книга имела очень большой резонанс и вызвала очень отрицательное отношение только одного человека — академика Бориса Александровича Рыбакова, который написал по этому поводу в «Вопросах истории» статью на 6 страницах, где очень сильно меня поносил. Мне удалось ответить через журнал «Русская литература», который издавал Пушкинский дом, ответить статьей, где я показал, что на этих 6 страницах академик, кроме трех принципиальных ошибок, допустил 42 фактических. И его сын потом говорил: «Папа никогда не простит Льву Николаевичу 42 ошибки».

После этого мне удалось написать новую книгу «Хунны в Китае» и завершить мой цикл истории Центральной Азии в домонгольский период. Очень трудно мне было ее печатать, потому что редактор Востокиздата, которого мне дали, — Кунин такой был — он издевался надо мной так, как редактора могут издеваться, чувствуя свою полную безопасность. Тем не менее книга, хотя и искалеченная, вышла, без указателя, потому что он переменил страницы и испортил даже составленный мною указатель. Книга была напечатана, и таким образом я закончил первую часть трудов своей жизни — белое пятно в истории Внутренней Азии между Россией и Китаем в домонгольский период.

Этот последний период моей жизни был для меня очень приятным в научном отношении, когда я написал свои основные работы по палеоклимату, по отдельным частным историям Центральной Азии, по этногенезу, но очень тяжелым в отношении бытовом и, главным образом, в отношениях с матерью. Мать находилась под влиянием людей, с которыми я не имел никаких личных контактов, и даже в большинстве своем не был знаком, но ее они интересовали значительно больше, чем я, и поэтому наши отношения в течение первых пяти лет после моего возвращения неизменно ухудшались, в том смысле, что мы отдалялись друг от друга. Пока наконец перед защитой докторской, накануне дня моего рождения в 1961 году, она не выразила свое категорическое нежелание, чтобы я стал доктором исторических наук, и выгнала меня из дома. Это был для меня очень сильный удар, от которого я заболел и оправился с большим трудом. Но тем не менее у меня хватило выдержки и сил для того, чтобы хорошо защитить докторскую диссертацию и продолжать свою научную работу.

Последние 5 лет ее жизни я с матерью не встречался. Именно за эти последние 5 лет, когда я ее не видел, она написала странную поэму, называемую «Реквием». Реквием по-русски значит панихида. Панихиду по живому человеку считается, согласно нашим древним обычаям, служить грешно, но служат ее

только в том случае, когда хотят, чтобы тот, по кому служат панихиду, вернулся к тому, кто ее служит. Это было своего рода волшебство, о котором, вероятно, мать не знала, но как-то унаследовала это как древнерусскую традицию. Во всяком случае, для меня эта поэма была совершеннейшей неожиданностью, и ко мне она, собственно, никакого отношения не имела, потому что зачем же служить панихиду по человеку, которому можно позвонить по телефону.

Пять лет, которые я не виделся с матерью и не знал о том, как она живет (так же как она не знала, как я живу, и не хотела, видимо, этого знать), кончились ее смертью, для меня совершенно неожиданной. Я выполнил свой долг: похоронил ее по нашим русским обычаям, соорудил памятник на те деньги, которые остались мне в наследство от нее на книжке, доложив те, которые были у меня — гонорар за книжку «Хунну». Памятник стоит до сих пор, но, правда, сейчас, будучи больным (у меня очень болят ноги), я не имею возможности посещать его, так как идти там довольно далеко.

Но тем не менее в это тяжелое для меня время я не оставлял науки ни на одну минуту, да и не мог ее оставить, потому что это было единственно приятное в моей жизни. Я активно вел общественную работу в Географическом обществе, поднял Отделение этнографии, которое начало выпускать этнографические научные сборники. Потом вопрос о том, что такое «этнос», т. е. как у нас сейчас принято говорить «нация», был совершенно неясен в самом Институте этнографии, а это необходимо для составления этнографических карт. Я взялся за эту тему и написал 30 статей, посвященных этому вопросу, и затем оформил их в большую работу «Этногенез и биосфера Земли».

И тут для меня началась новая серия затруднений и неприятностей. Эту работу никто не брал на обсуждение, потому что в любом институте говорили: «Это не по нашей специальности». Правда в этом кое-какая была, потому что работа действительно была новаторская, постановка вопроса о синтезе естественных и гуманитарных наук на базе географии — тоже была новой. И единственным способом для обсуждения книги я избрал защиту второй докторской диссертации. Ведь не обсужденная книга у нас не может идти ни в какое издательство.

Географический факультет пошел мне навстречу: организовали защиту, причем пригласили специалистов географов и биологов. Биолог Алтухов, а географы были Мурзаев и Архангельский, но как доктору исторических наук специальных оппонентов по истории не приглашали, но попросили Институт

этнографии высказаться по этому поводу как третье ведущее учреждение. Институт этнографии заявил, что он не компетентен обсуждать эти вопросы, и, как впоследствии выяснилось, он был прав: специалистов, равных мне по вопросам этногенеза и этнической диагностики, у них действительно не было — ни в Ленинграде, где я защищал диссертацию, ни в Москве. Они поэтому и отказались и не выступили. Выступил, правда, в прениях один их представитель, который сказал, что автореферат, с которым он ознакомился, по сравнению с диссертацией — это «как обертка конфеты по сравнению с самой конфетой». После этого у него были такие неприятности в институте (в конце концов его выгнали), что он уже никогда не выступал на моих докладах и вообще нигде.

Издательство «Наука», куда была представлена работа, отправило ее на рецензию в тот же самый Институт этнографии и получило аналогичный ответ, что они не будут давать своего мнения и своего решения, потому что это вопросы, которые им не известны, и они не компетентны в этом.

После этого оказалось, что напечатать эту работу нельзя, и тогда я обратился опять-таки к себе на факультет. Разрешили депонировать эту работу в ВИНИТИ — Всесоюзном институте научной и технической информации, как географическую работу, включающую в себя вопросы охраны природы. Это было сделано, но тоже с очень большими затруднениями. Было три выпуска по 10 авторских листов. Первый выпуск прошел очень легко и спокойно, но потом редакторша Ольга Николаевна Азнем украла остальные два выпуска, унесла их к себе домой и показывала своим знакомым. Мой ученик Костя Иванов нашел ее дом и выяснил, кто эти знакомые, правда только имя, но не фамилию. Первый читатель моей работы назвал себя Мойшей. Но когда оказалось, что это такое нарушение, скажем мягко, равносильное преступлению, за которое полагается от 3 до 8 лет (это мне в нашем юридическом отделе дали мощную консультацию; у нас был очень толковый юрист Борис Ефимов. Он вызвал ее отца — доцента геологического факультета — и сказал: «Если ваша дочка не хочет сидеть, пусть вернет работу»), тогда она ее сразу принесла. И после этого работа была направлена в ВИНИТИ, но оказалось, что она не выполнила всех правил, обязательных для ВИНИТИ: в машинописи должны быть ровные поля с обеих сторон (для пересъемки и ксерокопирования), а она меня об этом не предупредила. ВИНИТИ выслал мне первый экземпляр работы, оставив для проверки второй у себя. Я приклеил сам эти листы. Но, кроме того, оказалось, что она некоторые буквы забила грязно шрифтом на машинке, и это был повод для того, чтобы снова

вернуть мне работу. Но моя жена, на которой я женился в 1967 году, Наталья Викторовна, урожденная Симоновская, — художник, член МОСХа, она исправила эти нарушения, потому что она как художник умела все это сделать грациозно и изящно.

На мое несчастье, в ВАКе в это время произошла реформа (изменился его состав, изменились его подходы), и поэтому ВАК относился к работам как-то, я бы сказал, неконструктивно. В частности, мою работу ВАК не утвердил на том основании, что она «больше, чем докторская, а потому и не докторская». И вместо того чтобы присудить мне степень доктора географических наук, назначил меня членом специализированного Ученого совета по присуждению степеней доктора географических наук. В каковой должности я сейчас и пребываю на факультете.

Кроме того, большое удовлетворение мне приносит то, что мои лекции по этногенезу нашли благодарных слушателей на географическом факультете. Обычно студенты часто смываются с лекций (это не секрет, об этом часто ставился вопрос на Ученом совете: как их надо записывать и принуждать к посещению). С моих лекций студенты перестали смываться после второй или третьей лекции. После этого стали ходить сотрудники института и слушать, что я читаю. После этого, когда я уже стал излагать курс более подробно и отработал его в ряде предварительных лекций, ко мне стали ходить вольнослушатели со всего Ленинграда. И наконец, кончилось тем, что меня вызвали в Новосибирск в Академгородок, где я прочел специальный сокращенный курс и имел большой успех: народ приезжал даже из самого Новосибирска в Академгородок (это час езды на автобусе). Народу было так много, что дверь запирали, но так как там в Академгородке все по преимуществу «технари», то они довольно быстро умели открыть этот замок и проходили в помещение. В зал пускали только по билетам, но там были две двери — в одну впускали, другая была закрытая. Так, вошедший подходил к закрытой двери, под нее подсовывал билет, его товарищ брал и снова проходил.

Чем я объясняю успех своих лекций? Отнюдь не своими лекторскими способностями — я картавый, не декламацией и не многими подробностями, которые я действительно знаю из истории и которые включал в лекции, чтобы легче было слушать и воспринимать, а той основной идеей, которую я проводил в этих лекциях. Идея эта заключалась в синтезе естественных и гуманитарных наук, то есть я возвысил историю до уровня естественных наук, исследуемых наблюдением и проверяемых теми способами, которые у нас приняты в хорошо развитых

естественных науках — физике, биологии, геологии и других науках.

Основная идея такова: этнос отличается от общества и от общественной формации тем, что он существует параллельно обществу, независимо от тех формаций, которые оно переживает и только коррелирует с ними, взаимодействует в тех или иных случаях. Причиной образования этноса я считаю особую флуктуацию биохимической энергии живого вещества, открытую Вернадским, и дальнейший энтропийный процесс, то есть процесс затухания толчка от воздействия окружающей среды. Каждый толчок рано или поздно должен затухнуть. Таким образом, исторический процесс представляется мне не в виде прямой линии, а в виде пучка разноцветных нитей, переплетенных между собой. Они взаимодействуют друг с другом разным способом. Иногда они бывают комплиментарны, т. е. симпатизируют друг другу, иногда, наоборот, эта симпатия исключается, иногда это идет нейтрально.

Каждый этнос развивается как любая система: через фазу подъема к акматической фазе, т. е. фазе наибольшего энергетического накала, затем идет довольно резкий спад, который выходит плавно на прямую — инерционную фазу развития, и как таковой он затем постепенно затухает, сменяясь другими этносами. К социальным соотношениям, например к формациям, это не имеет прямого взаимоотношения, а является как бы фоном, на котором развивается социальная жизнь.

Эта энергия живого вещества биосферы всем известна, все ее видят, хотя отметил ее значение я первый, и сделал я это, размышляя в тюремных условиях над проблемами истории. Я обнаружил, что у некоторых людей в большей или меньшей степени существует тяга к жертвенности, тяга к верности своим идеалам (под идеалом я понимаю далекий прогноз). Эти люди в большей или меньшей степени стремятся к осуществлению того, что для них является более дорогим, чем личное счастье и личная жизнь. Этих людей я назвал пассионариями, а качество это я назвал пассионарностью.

Это не теория «героя и толпы». Дело в том, что эти пассионарии находятся во всех слоях того или иного этнического или общественного коллектива, но количество их плавно снижается со временем. Но цели у них иногда бывают единые — правильные, подсказанные нужной в данном случае доминантой поведения, а в ином случае — противоречат им. Поскольку это энергия, то она от этого не меняется, она просто показывает степень их (пассионариев) активности.

Эта концепция позволила мне определить, почему возникают

подъемы и спады народов: подъемы, когда количество таких людей увеличивается, спады — когда оно уменьшается. Есть посредине оптимальный уровень, когда этих пассионариев столько, сколько нужно для выполнения общих задач государства, или нации, или класса, а остальные работают и соучаствуют в движении вместе с ними.

Эта теория категорически противоречит расовой теории, которая предполагает наличие прирожденных качеств, присущих тем или иным народам за все время существования человечества, и «теории героя и толпы». Но герой может вести ее только тогда, когда в толпе он встречает отзвук у людей менее пассионарных, но тоже пассионарных. Применительно к истории эта теория оправдала себя. И именно для того, чтобы понять, как возникли и погибли Древний Рим, Древний Китай или Арабский халифат, ко мне и ходили люди. Что касается применения этого в современности, то это может сделать любой человек, у которого достаточная компетенция в области новой истории, и осознать, какие перспективы есть, скажем, у Западного мира, у Китая, у Японии и у нашей родины России. Дело в том, что к этому я присоединил географический момент — жесткую связь человеческого коллектива с ландшафтом, т. е. понятие «Родина», и со временем, т. е. понятие «Отечество». Это как бы 2 параметра, которые, перекрещиваясь, дают нужную точку, фокус, характеризующий этнос.

Что касается нашей современности, я скажу, что, по моей концепции, преимущество пассионарного напряжения стоит на стороне Советского Союза и входящих в него братских народов, которые создали систему, относительно Западной Европы молодую, и поэтому имеют больше перспектив для того, чтобы устоять в той борьбе, которая время от времени с XIII века возникала и, видимо, будет возникать и дальше. Но о будущем я говорить, естественно, не могу.

Так как коротко изложить содержание целого раздела новой советской науки я здесь не в состоянии, то вернусь к биографии, не столько собственной, сколько к биографии моей концепции.

После смерти моей матери зашел вопрос о ее наследии. Единственным наследником был признан я, тем не менее все имущество моей матери, как вещи, так и то, что дорого для всего Советского Союза — ее черновики, было захвачено ее соседкой Пуниной (по мужу Рубинштейн) и присвоено ею себе. Так как я обратился в Пушкинский дом и предложил принять на хранение в архив все литературное наследство моей матери, то Пушкинский дом подал в суд, от которого почему-то довольно быстро отошел, предоставив вести суд мне лично, как обиженному человеку. Три

года длился этот процесс, причем захват Пуниной этого имущества и продажа, или, вернее, распродажа его в разные советские учреждения (далеко не полностью, часть она оставила себе), он вызвал осуждение в Ленинградском городском суде, который постановил, что деньги получены Пуниной незаконно. Но почему-то Верховный суд РСФСР, судья Пестриков, объявил, что суд считает, что все украденное подарено, и постановил, что я никакого отношения к наследству своей матери не имею, потому что она все подарила Пуниной, несмотря на то что не только документа на это не было, но и сама Пунина этого не утверждала. Это произвело на меня очень тяжелое впечатление и значительно повлияло на мою работу в смысле ее эффективности.

Но тем не менее я продолжал работать и создал изложение всей своей концепции, ныне депонированной в ВИНИТИ, и заказанное читателями в таком количестве копий, что, согласно советским законам, представившее ее издательство обязано напечатать эту работу как книгу. Сверх этого мной было написано продолжение, которого от меня желали читатели, состоящее из двух частей: «Тысячелетие вокруг Каспия», где объясняются истоки единства и дружбы древних народов, ныне населяющих территорию Советского Союза, и «Древняя Русь и Великая степь», где показывается, что и в древности территория Советского Союза (то есть Родина) и традиции, которые тогда существовали (то есть Отечество) имели то же значение, что и сейчас, и представляли единую целостность, противостоящую на востоке Китаю, на западе — католической Европе. Тогда она была католической, сейчас стала «цивилизованной», но от этого дело не изменилось. И вот здесь оказалось очень сложно, потому что ректор Алисковский (которого сейчас уже нет, его сняли с работы), вместо того чтобы на большом Ученом совете представить рукопись хотя бы к депонированию, задержал ее, отложил и собрался давать снова на рецензию до тех пор, пока он не получит отрицательную рецензию. Но так как ректора этого сняли, заменили ректором Меркурьевым, который прочел мою работу и убедился в том, что она научно полезна и не содержит ничего нелояльного в смысле политическом, он представил ее, к сожалению, опять к депонированию в ВИНИТИ, но не к печати.

Что же касается последней работы «Древняя Русь и Великая степь», я ее еще не представлял, но мне ее некуда и представлять, потому что до тех пор, пока первая часть не получила какого-то своего оформления, вторую часть представлять невозможно — она основана на первой как на фундаменте.

И вот я нахожусь сейчас в довольно грустном и печальном положении: работы, которые я сделал, имеют положительные

рецензии академика Лихачева, профессоров нашего факультета, в частности Сергея Борисовича Лаврова, они представлены к изданию, но почему-то (для меня неясно почему?!) каждое издательство отказывается иметь со мной дело. И это меня очень огорчает и даже травмирует: трудно писать неизвестно для чего о тех проблемах, которые сейчас весьма актуальны, весьма доступны и весьма нужны.

По существу, я являюсь последователем Владимира Ивановича Вернадского в его учении о биосфере и энергии живого вещества, но его идеи о ноосфере никак не связаны с моими представлениями и с моими выводами, и я их не имею ни права, ни желания касаться. Это другая тема — не моя, которую будут решать другие ученые.

Единственный издатель, директор Востокиздата Олег Константинович Дрейер, сжалившись над моим недоумением, объяснил мне, что он печатать меня не будет до тех пор, пока меня не напечатает журнал «Вопросы истории», причем главный редактор этого журнала член-корреспондент Трухановский дважды заказывал мне статьи, принимал их, и сейчас в этом журнале лежит уже третий год принятая статья, которая задерживалась потому (это он, тоже сжалившись надо мной, объяснил мне), что его начальник — академик Бромлей — не хочет, чтобы мои статьи вообще выходили в свет.

Единственное мое желание в жизни (а я сейчас уже стар, мне скоро 75 лет) — это увидеть мои работы напечатанными без предвзятости, со строгой цензурной проверкой и обсужденными научной общественностью без предвзятости, без вмешательства отдельных интересов тех или иных влиятельных людей или тех глупых, которые относятся к науке не так, как я, то есть использующих ее для своих личных интересов. Они вполне могут оторваться от этого и обсудить проблемы правильно — они достаточно для этого квалифицированы. Услышать их беспристрастные отзывы и даже возражения — это последнее, что я хотел бы в своей жизни.

Разумеется, обсуждение целесообразно в моем присутствии, по процедуре защиты, когда я отвечаю каждому из выступающих, и при лояльном отношении присутствующих и президиума. Тогда я уверен, что те 160 моих статей и 8 книг общим объемом свыше 100 печатных листов получат должную оценку и послужат на пользу науке нашего Отечества и ее дальнейшему процветанию.

Хроника жизни Л. Н. Гумилёва

1910 г., 25 апреля — венчание А. Горенко (Ахматовой) и Н. Гумилева.

1912 г., 1 октября — родился Лев Гумилев в родильном приюте императрицы Александры Федоровны на 18-й линии Васильевского острова. Жил в Царском Селе (г. Пушкин).

1917 г. — революция. Лев Гумилев у бабушки А. И. Гумилевой в имение Слепнево Бежецкого уезда Тверской губернии.

1921 г. — восстание в Кронштадте. 25 августа — расстрел Н. С. Гумилева. Манифест евразийцев в Праге.

1929 г. — окончание школы в г. Бежецке, переезд в Ленинград.

1930 г., июнь — окончание 67-й единой гимназии. Экспедиция в Сибирь, мл. коллектор. 1 сентября — Трамвайное упр. Службы путей и тока (Парголово), чернорабочий. Декабрь — Биржа труда.

1931 г. — Геологоразведочный институт, коллектор. Забайкальская геологич. поисковая экспедиция.

1932 г. — 11 месяцев в Таджикистане — экспедиция по изучению Памира. Лаборант, санитар по борьбе с малярией в совхозе.

1933 г., лето — Крымская археол. экспедиция. 10 декабря — арест. 19 декабря — освобожден без предъявления обвинения.

1934 г., 1 сентября — студ. Истор. ф-та ЛГУ. Убийство С. Кирова.

1935 г., лето — Манычская археол. экспедиция. 23 октября — арест. 1 ноября — письмо А. Ахматовой И. В. Сталину. 3 ноября — освобожден «за отсутствием состава преступления». Отчислен из ЛГУ. 5 декабря — начата книга «Древние тюрки»

1936 г., лето — Саркельская экспедиция.

1937 г. — восстановлен в ЛГУ.

1938 г., март — арест. Обвинение в организации антисоветской молодежной контррев. организации. 27 сентября — приговор Военного Трибунала по 58-й ст., п. 10–11. 17 ноября — Военная коллегия Верх. Суда отменила приговор. Переследствие. 1 декабря — осужден по ст. 58 п. 8–10 УК. 3 декабря — этап на Беломорканал.

1939 г. — 4 лаг. отд., общие работы. 6 апреля — этап в Ленинград. Пересмотр дела, та же статья со сменой пункта на п. 17 — «террористическая деятельность» (расстрел). Тюрьма № 1 («Кресты»), камера № 614. С должности наркома НКВД снят Ежов.

10 мая — письмо А. А. Ахматовой И. В. Сталину. Июль — обвинение утверждено. Пересмотр дела. 26 июля — Особое Совещание — осужден по 58-й ст., п. 10–11 «организация антисоветской деятельности» — 5 лет лагерей и ссылка. 15 августа — тюрьма № 1, корп. 1, камера № 360. 21 сентября — этап на барже по Енисею в порт Дудинка.

1940 г., 5 января — ИТЛ Норильлага. Общие работы в шахте.

1943 г., 10 марта — окончание срока наказания. Освобождение. 13 марта — ссыльнопоселенец ЛАП-283. Геологический отдел Норильского комбината, геотехник. В хим. лаборатории — архивариус. Лето — экспедиция на Хантайском озеро.

1944 г., 1 июня — экспедиция на Нижней Тунгуске. 13 октября — Призван Туруханским райвоенкоматом в ряды РККА. Декабрь — принятие воинской присяги.

1945 г., 1 января — зенап № 1386 31-й зенитно-артиллерийской дивизии, рядовой. Январь-май — участие в боях за Варшаву, в штурме Зееловских высот и взятии Берлина. 25 сентября — демобилизация. 15 ноября — встреча в квартире А. Ахматовой с англ. дипломатом И. Берлиным. 1 декабря — ИВАН, пожарный.

1946 г., апрель — Восстановлен в ЛГУ. 15 апреля — поступление в аспирантуру ИВАН. Лето — Юго-Подольская археол. экспедиция. 14 августа — Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“». А. Ахматова исключена из Союза писателей.

1947 г., лето — Юго-Подольская археол. экспедиция. 1 декабря — исключен из аспирантуры.

1948 г., 5 марта — психиатрическая больница им. И. М. Балинского, библиотекарь. 15 мая — Горно-Алтайская археол. экспедиция. 31 августа — смерть А. Жданова. Ленинградское дело. 28 декабря — защита канд. диссертации на тему «Политическая история первого тюркского каганата» на Истор. ф-те ЛГУ.

1949 г., 4 января — Музей этнографии народов СССР, ст. н. с. Лето — Саркельская экспедиция. 6 ноября — арест. 31 декабря — ВАК СССР присвоил уч. степень канд. истор. наук.

1950 г., 13 сентября — суд. Особое Совещание — осужден по ст. 58 п. 8,10,11 УК сроком на 10 лет. 23 ноября — прибыл в 3-е отд. Карлага — лагерь Песчаный под Карагандой. 13 декабря — перевод в 10-е лаготделение Карлага.

1951 г., 3 сентября — перевод в лагерь Камышовый (Томуса).

1952 г., 19 января — А. Ахматова восстановлена в Союзе писателей. 1954 г., 4 октября — Камышлаг передан в подчинение

УИТЛК УВД (Сиблаг) Омской области. Работа в ИТЛ Омск-29.

1956 г. — XX съезд партии, речь Хрущева о культе личности. 24 марта — освобождение. 11 мая — возвращение в Ленинград. 2 июня — реабилитация по делу № 1950. Начало переписки с П. Н. Савицким.

1957 г. — Государственный Эрмитаж, научная библиотека, лаборант, ст. н. с. Лето — Ангарская экспедиция.

1958 г. — член бюро и председатель отд. этнографии в ГО СССР.

1959 г., лето — нач. Астраханской археол. экспедиции. Дельта Волги.

1960 г., лето — Астраханская археол. экспедиция Эрмитажа. Берег Каспийского моря. Дербент. Книга «Хунну», тираж 1 000.

1961 г. — защита докторской диссертации «Древние тюрки VI–VII вв.». Сентябрь — резкое обсуждение книги «Хунну» в Эрмитаже. 30 сентября — разрыв с матерью. Декабрь — дискуссия в ЛО Института народов Азии и Африки АН СССР.

1962 г., 25 мая — Институт географии (НИГЭИ) при ЛГУ, с.н.с.

1963 г. — экспедиция ЛГУ в дельту Терека.

1964 г. — начат цикл статей «Ландшафт и этнос» в ж. «Вестник ЛГУ».

1965 г. — доклад о времени написания «Слова о полку Игореве».

1966 г., 5 марта — скончалась А. А. Ахматова. Июнь — книга «Открытие Хазарии» (тираж 15 000). Август — VII Международный Археологический конгресс, Прага. Встреча с П. Н. Савицким.

1967 г., 15 июня — приезд Н. В. Симоновской в Ленинград к Л.Н. Книга «Древние тюрки», тираж 4 800.

1970 г., — книга «Поиски вымышленного царства: (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»), тираж 9 500.

1974 г. — книга «Хунны в Китае», тираж 5 000. 23 мая — защита диссертации (трактата) «Этногенез и биосфера Земли» на соискание ученой степени док. геогр. наук.

1975 г. — реабилитация по делу № 1938. Книга «Старобурятская живопись», тираж 10 000. Трактат убран из плана изд-ва ЛГУ. Статьи перестали принимать, а доклады задерживали.

1976 г. — ВАК не утвердил присуждение степени док. географ. наук «за хорошее знание истории», но назначил членом докторского ученого совета по эконом. и соц. географии. Печать трактата отвергнута по анонимной рецензии Института этнографии АН СССР.

1979 г., 2–25 октября — депонирование трактата в ВИНИТИ.

1980 г. — статья «Эхо Куликовской битвы» в журнале «Огонек». Выпады В. Чивилихина в романе «Память». Ответы Гумилева не были опубликованы нигде.

1981 г. — рецензия философа Бородая Ю. М. на трактат «Этнические контакты и окружающая среда».

1982 г. — ответ академиков-этнографов: Кедров Б. М., Григулевич И. Р. Крывелев И. А. «По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда». Юбилей Л. Н. Гумилева не отмечен в ЛГУ. Рекомендовано прекратить чтение лекций в обществе «Знание». Прекращена высылка трактата из ВИНИТИ заказчикам.

1983 г. — книга дир. Ин-та этнографии академика Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса», без ссылок на авторство Л. Н. Гумилева. Отказ в публикациях без объяснения причин. Осень — лекции на факультете отменены. Курс прочел ученик Л. Н. Гумилева К. П. Иванов.

1984 г. — НИГЭИ: переизбрание на должность отменено.

1985 г., ноябрь — защита К. П. Ивановым канд. диссертации.

1986 г. — выход на пенсию с должности вед. научн. сотр.

1987 г. — письмо в ЦК КПСС на имя А. И. Лукьянова «Публикации моих работ за последние 10 лет блокируются». Осень — цикл лекций о славяно-русском этногенезе в лектории общества «Знание»

1988 г. — цикл лекций по народоведению на Лен. телевидении. 1989, май — выдвижение на звание академика АН СССР. Забаллотирован. Книга «Этногенез и биосфера Земли», тираж 50 000. 1 октября — начата статья «Заметки последнего евразийца».

1990 г. — книга «Закон Божий для детей» с предисл. Л. Н. Гумилева. Май — защита учеником Л. Н. Гумилева В. Ю. Ермолаевым диссертации. Июнь — переезд на новую квартиру. Ангуст — инсульт. Книга «Древняя Русь и Великая Степь», тираж 50 000.

1991 г. — академик РАЕН. Видеозапись цикла о русской истории.

1992 г. — трансляция цикла передач «Древняя Русь и Великая степь» на Ленинградском радио. 7 апреля — госпитализация и больницу АН СССР. 15 июня, ок. 23 часов — кончина Л. Н. Гумилева.

20 июня — гражданская панихида в здании Русского Географического общества. Отпевание в храме Воскресения Христова. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Этапы признания

1992 г., июнь — именем Л. Н. Гумилева названа малая планета. Июль — образован Фонд Л. Н. Гумилева, президент — ак. А. Панченко, его зам. президент Русского Географического об-ва проф. С. Б. Лавров, предс. Правления — к.г.н. В. Ю. Ермолаев. Октябрь — Л. Н. Гумилев (посмертно) награжден высшей наградой АН Азербайджана — алмазной звездой просветителя Г. З. Тагиева за книгу «Тысячелетие вокруг Каспия». 1 октября — Первые Гумилевские чтения в ЛГУ. 13 декабря — Фонд Андрея Первозванного наградил Л. Н. Гумилева (посмертно) международной премией и орденом. 18 декабря — убийство ученика Гумилева К. П. Иванова.

1993 г. — начало работы членов Фонда Л. Н. Гумилева (Гумилева Н. В., Лавров С. Б., Ермолаев В. Ю., Мичурин В. А.) над изданием серии книг ученого в издательстве «Прогресс». Реконструкция архивных видеозаписей лекций Гумилева в 30 передач «Этносы Земли» (авт. сцен. Новикова О. Г.) на телевидении СПб.

1995 г. — Л. Н. Гумилев удостоен премии «Вехи» Гос. Думы РФ за книгу «От Руси к России». Книга рекомендована в качестве учебника для средней школы.

1996 г. — в столице Казахстана Астане создан Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева.

1997 г., 1 октября — при попечении Татарстана установлена мемориальная доска на доме по улице Коломенской, где жил ученый.

1998 г. — в сети Интернет начал работу сайт «Gumilevica».

2003 г. — в г. Бежецке Тверской обл. установлен памятник А. Ахматовой, Н. Гумилеву и Л. Гумилеву.

2004 г., 4 сентября — кончина Н. В. Гумилевой. После отпевания в Москве урна с прахом захоронена рядом с могилой мужа.

2005 г. — в дни празднования юбилея 1000-летия Казани в центре города установлен памятник Льву Гумилеву.

notes

Примечания

1

Магнитофонная запись произведена А. И. Лукьяновым 16 сентября 1986 г.

2

Магнитофонная запись произведена в 1987 г.